

Ф.М. Достоевский и русская революция в осмыслении авторов сборника «Из глубины» (1918)¹

Аннотация

Религиозно-философское крыло русской интеллигенции, представленное в сборнике статей «Из глубины», осмысляло события Октябрьского переворота 1917 г. во многом сквозь призму творчества Ф.М. Достоевского. Особое значение для авторов сборника имели суждения и концепции великого писателя по актуальным для эпохи начала XX в. вопросам: о народе, интеллигенции, самодержавии – как элементам происходившего в стране революционного процесса. В исследовании использованы историко-функциональный метод, принципы рецептивной эстетики, герменевтический подход, концептуальный (константологический) анализ. Научные результаты статьи – в обнаружении динамики восприятия идей и мнений автора «Бесов» в революционном контексте 1917-1918 гг.: после падения монархии и установления Советской власти было признано, что отнюдь не самодержавие – источник российских бед, и это сняло с Достоевского ярлык «реакционера»; отрицая концепцию «народа-богоносца», публицисты «Из глубины» увидели в своей современности явление «смердяковщины», объединявшее «зверя», «нигилиста» и «хама» в народной среде; не клеветой, а подлинной правдой о революционной интеллигенции было названо открытое Достоевским явление «шигалевщины»; также с ним разделялись мнение о религиозно-метафизическом смысле русской революции («бесноватости» ее устроителей и участников) и христианский оптимизм по отношению к будущей духовной судьбе русского народа.

Ключевые слова

Ф.М.Достоевский, сборник «Из глубины», революция 1917 г., «народ-богоносец», самодержавие, интеллигенция, «шигалевщина», «смердяковщина».

F. M. Dostoevsky and the Russian revolution in comprehending the authors of the book "From the depths" (1918)

Abstract

Religious and philosophical wing of the Russian intelligentsia, represented in the collection of articles "From the depths", was comprehending the events of the October revolution of 1917 largely through the prism of creativity of F. M. Dostoevsky. Of particular importance to the authors of the collection had judgments and concepts of the great writer on topics of interest in the era of the beginning of XX century: about the people, the intelligentsia, the monarchy as the elements taking place in the country's revolutionary process. The study used the historical-functional method, principles of receptive aesthetics, hermeneutic approach, conceptual analysis. The scientific results of the article – in the detection of the dynamics of perception of ideas and opinions of the author of "Devils" in the 1917-1918th revolutionary context: after the fall of the monarchy and the establishment of Soviet power, it was recognized that it was not the autocracy is the source of troubles, and it took Dostoevsky a label of "reactionary"; denying the concept of "people-God-

¹Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 – начало 1920-х гг.)».

bearer", the publicists of "From the depths" saw in its modernity the phenomenon of "smerdyakovschina" uniting "the beast", "the nihilist" and "ham" in the national environment; do not libel, but a real truth of revolutionary intellectuals was called open Dostoevsky the phenomenon of "chigalevschina"; also with him were shared view on the religious-metaphysical sense of the Russian revolution ("devilness" for organisers and participants), and Christian optimism toward the future spiritual destiny of the Russian people.

Keywords

Dostoevsky, a collection of "From the depths", the 1917 revolution, the "people-God-bearer", autocracy, intellectuals, "smerdyakovschina", "chigalevschina".

Громадность роли Ф.М. Достоевского, его личности и произведений в культурном сознании начала XX века впервые обозначилась в свете революционных событий 1905-1907 гг. Так, С.Н. Булгаков во вступительной статье к 1-му тому Юбилейного (6-го) Полного собрания сочинений Достоевского в 1906 г., констатировал, что, в отличие от ушедших в прошлое классиков XIX в., один только Достоевский «все ярче и отчетливей<...> выступает пред нашим духовным взором» – не даром русское общество наконец «вступает в наследство, от которого так долго отказывалось, ибо всей ценности его не понимало<...>» [1, с. V]. В 1912 г. киевский эссеист А.К. Закржевский подвел первый итог стремительно развивавшемуся процессу: «Уже стал неоспоримой истиной тот факт, что Достоевский весь воплотился в современности, что он стал вдохновением и отправной точкой почти для всех наших писателей, поэтов, философов, что современное религиозное сознание все целиком вышло из Достоевского, что творчество нынешнего времени буквально живет им, лишь видоизменяя и преображая его мысли, его откровенья, его бездонную и вечную глубину» [2, с. II].

Неудивительно, что наиболее заметные социально-исторические и политические события эпохи – революция 1905-1907 гг., Первая мировая война 1914-1918 гг., вторая русская революция 1917 г., свержение монархии, неудача либерального правления страной и приход к власти большевиков в конце 1917 г. – осмыслялись ее участниками во многом сквозь призму Достоевского-художника, автора великих и загадочных романов, и Достоевского-мыслителя и

публициста, непосредственно раскрывшего свои личные убеждения в «Дневнике писателя».

Сборник «Из глубины» был собран к августу 1918 г. из статей, написанных по горячим следам революционных событий, после Октябрьского переворота и первых шагов Советской власти. В России уже напечатанное издание не смогло увидеть свет из-за наступившего после покушения на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. «красного террора». Вывезенные в 1922 г. за границу экземпляры стали основой для последующего издания книги на Западе².

Сборник изначально задумывался его издателем П.Б. Струве как продолжение идейной линии «Вех» в новых исторических условиях – поэтому его авторский костяк составили те же люди: Н.А. Бердяев, Булгаков, А.С. Изгоев, С.Л. Франк, сам Струве. Если «Вехи» были «предостережением» и «слабым предчувствием моральной и политической катастрофы», то «Из глубины» – «высказывание» религиозно-философской интеллигенции «об уже совершившемся крушении <...> которое постигло наш народ и наше государство» [3, с. 209]. «Из глубины» еще в большей степени, чем «Вехи», пестрит многочисленными обращениями к Достоевскому, прежде всего по актуальным в годину революции вопросам – о самодержавии, народе, интеллигенции... Еще резче подчеркнут здесь и предуказанный Достоевским религиозно-метафизический характер происходивших событий.

Особенно разительно отличается в революциях 1905 и Октября 1917 гг. отношение к самодержавию. Например, С.А. Аскольдов, рассуждая о вере и христианском долготерпении русского народа, с симпатией и уважением отозвался о царе-освободителе Александре II, чье «мудрое» дело погубили последующие правители, отказом от необходимых реформ спровоцировав успех революционно-социалистической пропаганды в народных массах [4, с. 233].

В свою очередь, Бердяев заявлял: «Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им

²Из глубины: Сборник статей о русской революции. Париж: YMCA-Press, 1967.

объяснить», на деле «тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре» [5, с. 256]. Здесь бросается в глаза перекличка со словами Достоевского из «Дневника писателя» за 1877 г.: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой <...>» [6, т. 25, с. 201], истина которых открылась лишь в опыте Октября 1917 г. Более того, писал Бердяев, «формы старого строя сдерживали проявления многих русских свойств, вводили их в принудительные границы. Падение этих обветшалых форм привело к тому, что русский человек окончательно разнуздан и появился нагишом» [5, с. 258].

В диалогах Булгакова, объединенных под заглавием «На пиру богов», сталкивались различные точки зрения на русское самодержавие: консервативная, либеральная, мистическая и пр. Последняя, утверждавшая устами одного из участников диалогов Беженца inferнальный характер свергнувшей монархию революции, по-видимому, была наиболее близка автору. С мнением Достоевского совпала позиция другого участника диалогов – Генерала: народу «нужна личная, конкретная государственность, связанная с его душой» – «тогда восстановится сама собой и Россия» [7, с. 314].

И.А. Покровский в статье «Перуново заклетье» показал многообразие политических обличий «русского деспотизма»: «палочное вечевое народоправство», «палочное самодержавие» Ивана Грозного, Петра Великого и Николая I, «диктатура пролетариата». Причину этого «злого заклетья» правовед усмотрел не во внешних формах правления, не в русской монархии как таковой, а в неразвитости в стране либерально-гуманистической и правовой культуры [См.: 8, с. 443-444].

Опираясь на вновь приобретенный опыт, Струве фактически продолжил линию, начатую в «Вехах»: по его мнению, самые недостатки свергнутого в 1917 г. «режима» «коренились не в порядках и учреждениях, не в “бюрократии”, “полиции”, “самодержавии”, как гласили общепринятые

объяснения, а в нравах народа или всей общественной среды, которые отчасти в известных границах даже сдерживались именно порядками и учреждениями» [9, с. 461]. Вину самодержавия публицист усматривал лишь в систематическом недопущении интеллигенции к государственному строительству, что сформировало в ней «психологию и традицию государственного отщепенства» и толкнуло на путь революционного радикализма [9, с. 462].

Наконец, Франк, констатировав вместо ожидавшегося возрождения «в процессе революции» – гибель России, заключал: «Теперь уже неизбежно сознание, что не политические формы жизни как таковые определяют добро и зло в народной жизни, а проникающий их живой нравственный дух народа» [10, с. 492].

Реальное отношение Достоевского к народу нельзя назвать однозначным. Да, это «богоносец», но в то же время и «зверь», и даже «нигилист». Причем первое определение русского народа появилось в устах таких разных героев писателя, как Шатов («Бесы») и старец Зосима («Братья Карамазовы»), а не в собственно авторском дискурсе. В обоих случаях оно имело неодинаковый смысл: «человекобожеский» у Шатова и православно-святоотеческий у Зосимы, которые обычно смешивались в сознании читателей первых десятилетий XX в. Мысль самого Достоевского о «богоносности» русского народа нельзя отождествлять с идеей Ставрогина-Шатова, близкой не к церковному, а к народному православию [Подробнее см.: 11] и даже к язычеству. В структуре «Бесов» теория Шатова – одно из трех антиномичных идейных построений, внушенных разным лицам главным героем романа Ставрогиным – человеком, верующим в беса и не верующим в Бога, по сути дела – Антихристом. Экзистенциальный крах самого Ставрогина – источника этой идеи, несуразность жизни и гибель Шатова, «съеденного» этой идеей, – свидетельствуют о том, что она отнюдь не проистекает из авторского мировоззренческого плана. Зосима же, по собственному признанию Достоевского, был выразителем авторского мировоззрения. «Само собою, что многие из поучений моего старца Зосимы (или, лучше сказать, способ их

выражения) принадлежат лицу его, то есть художественному изображению его, – писал Достоевский Н.А. Любимову 7 (19) августа 1879 г. – *Я же хоть и вполне тех же мыслей, какие и он выражает* (Курсив мой. – О.Б.), но если б лично от себя выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком. Он же не мог ни другим языком, ни в другом духе выразиться, как в том, который я придал ему. Иначе не создалось бы художественного лица» [6, т. 30 (1), с. 102].

Пока «Россия есть лишь олицетворение души православия», надеялся Достоевский, она «спасет и обновит мир», но при одном условии – «если будет верить». «Славянофил думает выехать только свойствами русского народа, но без православия не выедешь. Никакие свойства ничего не сделают, если мир потеряет веру» [6, т. 11, с. 167, 185-186]. Достоевский уже почувствовал такую опасность, о чем свидетельствует ряд народных образов в его творчестве: крестьянин, который, перекрестившись, убил друга за понравившиеся часы («Идиот», 1868), бывший крепостной Федька-каторжный, надругавшийся над православной святыней – иконой Богородицы («Бесы», 1872), парень, из удальства чуть не расстрелявший причастие («Дневник писателя», 1873), русский «созерцатель» Смердяков, ненавидящий Россию («Братья Карамазовы», 1878-1880) и т.д.

Спектр сложного отношения Достоевского к народу не был адекватно воспринят и в условиях победившей в 1917 г. революции. В итоге со стороны некоторых авторов сборника «Из глубины» писатель стал объектом достаточно жесткой критики за приписывавшиеся ему «пророчества» и мнения. Другие же публицисты, напротив, по-своему осваивали «достоевскую» концепцию народа. Среди последних можно назвать Аскольдова с его разделением «души русского народа» на «*святое, специфически человеческое и звериное*». Интеллигентская пропаганда, по мысли философа, потеснив «святое» и так и не насадив «гуманистического», спровоцировала в ней преимущественный рост «звериного» [4, с. 228]. Причем в Октябрьской революции «восстал во весь свой рост не просто зверь, а именно злой зверь, живший в народной душе» [4, с.

239]. Похоже, этот «злой зверь» и стал кульминацией бесовско-нигилистического изменения народа, замеченного еще Достоевским.

А вот Бердяев вновь предъявил автору «Бесов» весомый счет не только за «шатовского», но теперь уже и за «зосимовского» «народа-богоносца»: «Достоевский ошибся <...>», его «народопоклонство<...> потерпело крах в русской революции. Его положительные пророчества не сбылись <...>», «правда, сказанная им о России, не есть слащавая и розовая правда народолюбия и народопоклонства», не есть «церковный национализм» [5, с. 268, 277]. Более того, «антихристова» вера в «богоносный революционный народ», по сути, сделала писателя одним из «бесов», или «духов», разразившейся революции, подобно Шатову, с которым его создатель практически был отождествлен Бердяевым [См.: 5, с. 270]. Одновременно философу принадлежит подлинное открытие в сфере «народознания» Достоевского – именно Бердяев первым указал на обнажившуюся в октябрьской смуте 1917 г. стихию «смердяковщины» в русском народе: «Достоевский предвидел торжество <...>смердяковщины. Он знал, что подымется в России лакей и в час великой опасности для нашей родины скажет: “я всю Россию ненавижу” <...> Иван Карамазов и Смердяков – два явления русского нигилизма, две стороны одной и той же сущности. Иван Карамазов – высокое, философское явление нигилизма; Смердяков – низкое, лакейское его явление<...> Во всякой массе человеческой, массе народной больше Смердяковых, чем Иванов. И в революции как движении масс, количеств, больше Смердяковых, чем Иванов. В революции торжествует атеистическая диалектика Ивана Карамазова, но осуществляет ее Смердяков. Это он сделал на практике вывод, что “все дозволено” <...>Смердяковщина<...> есть последнее проявление хамства» [5, с. 274-275]. В обозначении «хамства» как одной из черт революционного народа, предугазанной Достоевским в образе Смердякова, с Бердяевым были солидарны не только Мережковские с их «Грядущим Хамом», но и некоторые авторы «Из глубины» – Булгаков, В.Н. Муравьев.

Из пяти булгаковских диалогов под общим заглавием «На пиру богов» проблеме революционного народа посвящены два. Как и в случае с самодержавием, в них столкнулись мнения консерватора, либерала, ортодоксального церковника, патриота, нравственного ригориста и человека, умудренного практическим опытом революционных испытаний. Народ в их интерпретации одновременно и «богоносец», и «скот», и «бес-нигилист», и воплощение «смердяковщины», и просто сборище «темных, некультурных людей» [7, с. 290-303]. Наиболее широко из всех публицистов революционной эпохи представив целостную «достоевскую» концепцию народа, разобранную по идеологическим группам и партиям, в заключение устами Беженца Булгаков выразил собственное понимание ситуации, во многом вытекавшее из воззрений Достоевского: «за русскую душу борются рати духовные, желая отнять у нее вверенный ей дар», т.е. православную веру [7, с. 322]. Тем не менее именно в булгаковских диалогах прозвучала самая резкая на страницах сборника критика Достоевского, исходившая от Дипломата, выразителя либерально-западнической точки зрения: «<...> Достоевский <...> роковой для России человек. Нам до сих пор еще приходится продираться через туман, напущенный Достоевским, это он богоносца-то сочинил. А теперь вдруг оказывается, что для этого народа ничего нет святого, кроме брюха» [7, с. 315].

Протестуя против затеянной новой Советской властью орфографической реформы русского языка, Вячеслав Иванов воспел настоящий гимн нашему «святому», «богатому» и «свободному» языку, доставшемся народу «как жребий, как некое предназначение его грядущего духовного бытия<...> С таким языком народ наш не мог не исполниться верою в ожидающее его религиозное вселенское дело». В страшные для России дни и месяцы именно «наш язык» стал спасением «от отчаяния при виде разодранной ризы отчества». «Злой человеческий произвол», по мысли поэта-философа, не способен разрушить «замысел Божий» о России и ее народе [См.: 12, с. 354, 356]. Как видим, мрачные события конца 1917 – начала 1918 гг. не повлияли на мнение Иванова, высказанное им еще в начале 1917 г., о русском народе как

«богоносце» – в том смысле, который вкладывал в это определение старец Зосима и говоривший его устами сам автор «Братьев Карамазовых»³.

По мнению Муравьева, не кто иной, как «народ разрушил Россию» в 1917-1918 гг.: «Это то, что Достоевский в своем гениальном прозрении изобразил в образе Ивана Карамазова, мыслившего смерть отца, и Смердякова, совершившего убийство. Русский народ, появившийся перед нами в образе Смердякова и сделавший злое дело, имеет право сказать интеллигенции перед трупом бездыханной России: ан ты главный убивец и есть!» [13, с. 416, 418]

Констатировав обнаруженную еще в XIX в. «болезнь народного духа» – нигилизм, Франк из «бездны падения» России 1918 г. задался «достоевским» вопросом: «Как и почему случилось, что народ <...>, прозванный народом-богоносцем, стал народом-нигилистом, кощунственно попирающим все свои святыни? Как случилось, что народ, не без основания прославленный за свою нравственную кротость и чистоту, стал народом-убийцей, народом неприкрытой корысти и всяческого нравственного распутства?» [10, с. 496] Причину Франк видел в рассогласованности в русском общественном организме мечтательно-идейных и практически-действенных начал, по которым распределялось добро и зло: первое было бессильным, второе возобладало в реально-эмпирической жизни.

Горячо обсуждался всеми без исключения авторами «Из глубины» и вопрос об интеллигенции как главном ферменте революционного движения. Вчитываясь в Достоевского при зареве Октября 1917 г., Бердяев увидел в современной ему интеллигенции явные признаки «бесноватости», «права на бесчестье», «сантиментальности», «стыда собственного мнения» и «шигалевщины». Отсюда знаменательное признание: «Достоевский был более пронизателен, чем признанные учителя русской интеллигенции <...>» [5, с. 274]. Такие герои «Бесов», как Петр Верховенский и Шигалев, определяли, по мнению Бердяева, лицо совершавшейся революции. «Шигалевщина движет и

³См.: Иванов В.И. Лик и личины России. *К исследованию идеологии Достоевского* // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 312-336.

правит русской революцией <...> Русская революционно-социалистическая мечтательность и есть шигалевщина. Во имя равенства мечтательность эта хотела бы истребить Бога и Божий мир. В той тирании и в том абсолютном уравнении, которыми увенчалось “развитие и углубление” русской революции, осуществляются золотые сны и мечты русской революционной интеллигенции. Это были сны и мечты о царстве шигалевщины. Многим оно представлялось более прекрасным, чем оказалось в действительности» [5, с. 272-274].

Интеллигенции посвящен один из «современных диалогов» в булгаковском симпозионе «На пиру богов». С одной стороны, по причине своего «нигилизма» и «безбожия», она признавалась виновницей «развращения» народа и прихода к власти большевиков; с другой – едва ли не лучшей частью русского народа. Первое мнение исповедовали представители консервативного, патриотического и ортодоксально-церковного лагеря (Генерал, Писатель, Светский богослов), второе также прозвучало из уст одного из них – Светского богослова. Позиция последнего, как видим, двойственна, что отражало динамику мнений самого Булгакова по этому вопросу. Подобно Мережковскому⁴, герой Булгакова включил в состав интеллигенции не только сторонников революционно-демократического и социалистического движения, но и христианских мыслителей, великих писателей и философов: славянофилов, Достоевского, К.Н. Леонтьева, Вл.С. Соловьева и др. Разделив понятия «интеллигенция» и «интеллигентщина», он предлагал бороться только с последней «во имя духовной культуры» [7, с. 332]. Что же касается критикуемых им представителей «интеллигентщины», то «уроки истории, пережитые испытания» должны их «многому научить», «углубить [их] духовное созревание» и «подвигнуть<...> к воцерковлению» [7, с. 332]. Надежда на скорое сближение интеллигенции с Церковью, уже не «запятнанной» союзом с самодержавием, теперь свергнутым, одушевляла Светского богослова, участника «всенародного» Крестного хода в Москве 28

⁴См., напр., такие статьи Д.С. Мережковского, как «Грядущий Хам», «Революция и религия» и др.

января 1918 г. В этом ключе оптимистическая концовка «На пиру богов» – радостные возгласы православной Пасхи, праздника «воскресения из мертвых» – звучит вполне органично. Очевидно, что мысль о желанном «воцерковлении<...> интеллигенции» вполне соответствует заветам Достоевского как создателя образа «русского инока<...> в миру» Алеши Карамазова. И хотя указанная параллель не была прямо озвучена в булгаковских диалогах, она напрашивается сама собой.

Помимо Бердяева, «шигалевскую» метаморфозу революционной интеллигенции засвидетельствовал Изгоев. По мнению публициста, опыт «военного коммунизма» и «продразверстки» показал правоту логики Шигалева: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» [Цит. по: 14, с. 385]. Действительно, «чтобы отобрать у крестьян весь хлеб, кроме крайне необходимого для собственного пропитания и поддержания хозяйства, чтобы заставить рабочих, переведенных на паек, выработать “урочный” продукт, чтобы при этом поддерживать производство хотя бы на уровне “буржуазного” хозяйства первого года войны, необходимо было крайнее напряжение принудительного аппарата вплоть до расстрелов, лишения хлебного пайка, обречения на голодную смерть и т.д.» [14, с. 385].

Подобно Булгакову и, соответственно, вслед за Достоевским, правовед С.А. Котляревский также видел возможность «оздоровления» интеллигенции только на пути возвращения к вере и Церкви. В целом же его статья посвящена всесторонней критике народничества («народопоклонства») как главной интеллигентской идеологии: «Никогда народничество не поднималось до идеи нации, никогда оно поэтому не было способно воспитывать здоровое национальное чувство<...>» [15, с. 392] В произошедшей «катастрофе» интеллигенция виновата тем, что разрушала «народную веру», на которой одной и держались «нравственные устои русского народа», и «на месте ее насаждал[а] чудовищный культ своеволия и классовой ненависти» [15, с. 401]. Вариации той же мысли – в статьях правоведов П.И. Новгородцева и И.А. Покровского. По мнению первого, правота «Вех», призывавших

интеллигенцию к пересмотру своего мировоззрения после революции 1905 г., полностью доказана в Октябре 1917 г.: «Не только государство наше разрушено, но и нация распалась. Революционный вихрь разметал и рассеял в стороны весь народ, рассек его на враждебные и обособленные части<...> Только самые черные дни нашей прошлой истории могут сравниться с тем, что мы сейчас переживаем» [16, с. 433-434]. Второй констатировал: интеллигенция – «духовный виновник» народного падения в «пропасть» «нравственного ужаса» [8, с. 458].

Не упоминая Достоевского, Муравьев в статье «Рев племени» при характеристике интеллигенции постоянно пользовался его категориями: «подполье», «отвлеченная мысль», «безответственная мысль» и т.п. Взаимоотношения интеллигенции и народа в процессе революции он осмыслял в образах «Братьев Карамазовых»: помысливший убийство интеллигент Иван и совершивший «злое дело» Смердяков [13, с. 413, 418]. По-видимому имея в виду Белое движение, Муравьев поспешил провозгласить рождение «новой русской интеллигенции», уже не отделенной ни от народа, ни от христианской веры: «Против России грабежа, насилия и разнузданности встает грозной ратью Россия самопожертвования, строгости и подвига. Против Руси нечестивой, Руси разбойной поднимается Русь рыцарская» [13, с. 422].

Также без упоминания Достоевского, Струве сделал концептуальной основой своей статьи его категорию «идеи-страсти», которая должна «восстановить Россию», – это идея «нации» как духовно-культурной общности всех классов и сословий [9, с. 474-476]. Как тут не вспомнить «Пушкинскую речь» Достоевского с ее призывом к национальному единению?! Именно интеллигенция, считал Струве, а точнее ее «психология и традиция государственного отщепенства», «и есть та разрушительная сила, которая, разлившись по всему народу и сопрягшись с материальными его похотями и вожделениями, сокрушила великое и многосоставное государство» [9, с. 462]. По наблюдению публициста, «созидательных потенций нет и не видно в

русской революции» [9, с. 471] – совсем как в «Бесах» Достоевского, где Петр Верховенский и К^о проповедовали «всеобщее разрушение» [6, т. 10, с. 78].

Постоянно обращавшийся к Достоевскому Франк, для характеристики российской ситуации 1917-1918 гг. вспомнил, в отличие от остальных авторов «Из глубины», не «Бесов», а другое произведение «величайшего русского пророка» – рассказ «Бобок» в составе «Дневника писателя» за 1877 г.: «Мертвецы в своих могилах, прежде чем смолкнуть навеки, еще живут, как в полусне, обрывками и отголосками прежних чувств, страстей и пороков<...> И если мы, задыхаясь и умирая<...>, в своих тревогах и упованиях продолжаем по инерции мысли бормотать о “заветах революции”, о “большевиках” и “меньшевиках” и об “учредительном собрании”, если мы судорожно цепляемся за жалкие, замирающие в нашем сознании остатки старых идей, понятий и идеалов <...> – то<...> это все есть тот же “бобок” разлагающегося мертвеца» [10, с. 478-479]. Таков, по Франку, статус интеллигенции в революционных событиях. Свои симпатии автор отдал «истинному духовному консерватизму» [10, с. 491] славянофилов и «почвенников» во главе с Достоевским – только их «религиозно-общественные» идеалы могут «оздоровить» русскую жизнь [См.: 10, с. 497-498].

Тем не менее, несмотря на констатацию «страшной катастрофы» [5, с. 250], произошедшей с Россией, «национального банкротства и мирового позора» [9, с. 459], «бездны падения», «возрождением» из которых может быть только «восстание из мертвых с новой душой», «подлинное воскресение» [10, с. 478-479], большинство статей сборника заканчивались выражением надежды на «великие возможности» [5, с. 289] русского народа. «Идея народа, замысел Божий о нем остается и после того, как народ пал<...>» [5, с. 289] «Посевы добра, которые произведены бедствиями, мученичествами и другими испытаниями и научениями русской революции» могут дать «некоторый плод» в виде «целостного обнаружения христианского идеала общественности», другими словами – хилиастического 1000-летнего царства праведников на земле во главе с Христом [4, с. 248-249]. О Пасхе Булгакова, «рыцарстве»

Муравьева и «национальной идее» Струве уже говорилось выше. Все это – вместе с надеждами Франка на осуществление «идеала *религиозной осмысленности и национально-исторической обоснованности общественной и политической культуры* (Курсив С.Л. Франка. – О.Б.)» – в русле представлений не только Достоевского-художника, но и Достоевского-публициста о будущих судьбах России и ее народа. И так, если в 1905-1906 гг. «Дневник писателя» вызывал в целом отторжение даже у религиозно-философского крыла русской интеллигенции, то опыт 1917-1918 гг. привел к согласию со многими высказанными там взглядами.

Резюмируем мнения рассмотренных авторов сборника «Из глубины» по основным «достоевским» вопросам, имевшим первостепенное значение в революции 1917 г. Во-первых, самодержавие. Оказалось, что не оно виновато в главных русских бедах. Таким образом, Достоевский-«реакционер», сторонник монархии, был практически полностью реабилитирован. Во-вторых, за немногими исключениями (Булгаков, Вячеслав Иванов), авторы сборника были резко не согласны с концепцией «народа-богоносца», правда при этом не различая ее «шатовского» и «зосимовского» изводов. Одновременно происходило проникновение в подлинное представление о народе у Достоевского: было замечено явление т.н. «смердяковщины», не только объединявшее «зверя» и «нигилиста» в народной среде, но также осветившее в ней повсеместный рост «хамства». В-третьих, все авторы «Из глубины» сошлись на том, что Достоевский в «Бесах» отнюдь не оклеветал революционную интеллигенцию, а сказал о ней подлинную правду, открыв и описав явление «шигалеvщины». Наконец, с Достоевским полностью разделялись как представление о религиозно-метафизическом смысле русской революции («бесноватости» ее устроителей и участников), так и христианский оптимизм по отношению к будущей духовной судьбе русского народа. Подобно концовке «Бесов», где исцеленный Христом бесноватый сел у ног Спасителя, в финале почти каждой из статей сборника звучали слова надежды на неперемненное «воскресение» низко «павшей», «мертвой» России.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Через четверть века (1881-1906): Очерк о Ф.М. Достоевском // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Юбилейное (6-е) изд.: В 14 т. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1904-1906. Т. 1. С. III-XL.
2. Закржевский А.К. Карамазовщина. Психологические параллели: Достоевский, В. Брюсов, В. Розанов, М. Арцыбашев. Киев: Изд. ж. «Искусство», 1912. 175 с.
3. Струве П.Б. Предисловие издателя // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 209.
4. Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 210-249.
5. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 250-289.
6. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.
7. Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 290-353.
8. Покровский И.А. Перуново заклътье // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 443-458.
9. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 459-477.
10. Франк С.Л. De profundis // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 478-499.
11. Бузина Т. Православие и проповедь истинной веры: Достоевский, Шатов и духовные стихи // Достоевский и мировая культура. Вып. 17. М.: Издатель С.Т. Корнеев, 2003. С. 110-124.
12. Иванов В.И. Наш язык // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 354-360.
13. Муравьев В.Н. Рев племени // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 402-423.
14. Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 361-387.
15. Котляревский С.А. Оздоровление // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 388-401.
16. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 424-442.